

Надежда
ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

О ЧЁМ ПОЕТ ТРОСТНИК

рассказ

Закат просто потрясал. Всё небо было разукрашено розовыми, золотыми и сиреневыми гирляндами лёгких перистых облаков. Воздушные шлейфы их исходили от алой короны, которая увенчивала погружающееся в воду солнце. Могучее Оногу уснуло мертвецким сном, едва дождавшись прикосновения медного диска светила к зеркальной своей глади. Видимый мир вокруг стал медленно растворяться в тумане ласковой июльской неги.

Антон Егорович, мой сосед по гаражу, пригласил меня на рыбалку. Он был отличным фотографом, и я даже использовал одну из его работ в оформлении обложки своей очередной книги. Снимок был сделан на рассвете: лёгкий бриз на воде от утреннего ветерка и смятение в зарослях тростника. Повести мои Антону Егоровичу нравились, однако на похвалу он был довольно скуп. Чаще всего у соседей по гаражному сообществу предметом для разговора служат машины. И потому о личной жизни Егорыча, как он просил его величать, я знал мало. Из наблюдений своих догадывался, что мужчина он одинокий и с каким-то трагичным внутренним надломом. Но лезть в душу к малознакомому человеку против его воли не в моих правилах. В северный районный городок мы с женой переехали всего год назад, оставив столичную квартиру замужней дочери. Мечтал на пенсии заняться рыбалкой, охотой, грибами — словом, общаться с природой, чем и надлежит заниматься пищевому человеку на старости лет. Своей лодкой мы ещё не успели обзавестись, и потому неожиданному приглашению соседа был рад.

Шли под вёслами. Егорыч грёб, не напрягаясь. Его мужественное загорелое лицо было сосредоточенно серьёзным. Я сидел на носу его лёгкой моторной лодки и с интересом наблюдал за тем, как быстро погружалось в воду безучастное к людским проблемам солнце. Тёплый ветерок осторожно перебирал струны прибрежного тростника, в зарослях которого находились частные лодочные гаражи. Тихий шелест тростника чем-то напоминал приглушённое и унылое пение, сравнить которое можно было лишь с отдалённым звучанием церковного хора.

Словно уловив мои мысли, Егорыч задумчиво произнёс:

— Вот слушаю эту музыку живой природы и

всякий раз матушку свою вспоминаю. Она у меня в церковном хоре пела. Слаженно так, спокойно их пение звучало. Не хочешь, да невольно заслушаешься. Давно уж из жизни ушла, а свет её души до сих пор в сердце храню.

Я не перебивал его, вопрос не задавал. Принимал: слушать нужно тихо и молча, коль душа у человека приоткрылась. Спутнуть суетным словом чужое откровение легко.

— Она ведь у меня была, что называется, «два в одном», — неторопливо продолжал рассказывать Егорыч. — И за мать, и за отца. В посёлке у нас её уважали. Селяне часто приходили за советом или помощью. На досужие-то разговоры времени у неё не было. Редкая была женщина. Никогда не сказала вслед человеку ни одного недоброго слова. За ней чувствовал себя как за каменной стеной. И даже уехав в город учиться, во всех сложных ситуациях ощущал её незримое присутствие.

Он помолчал, прислушиваясь к томной тишине. Потом опустил в воду вёсла, притормаживая движение лодки.

— Ещё до армии случилось... — продолжал вспоминать он, привычно разматывая удочки. — Пришла от соседки телеграмма: «Срочно приезжай! Умерла мама». Получив первого апреля эту нелепую бумажку, даже хохотнул: «Что за бред?! Нашли чем пошутить?!» Но телеграмма была заверена местным фельдшером. И, когда дошло, уже другая гримаса исказила лицо. Похороны до сих пор для меня... как в тумане. Даже заплакать не мог. Никак не верилось, что это восковое лицо в гробу — моя мать!!! А тётка, старшая сестра матушки, приехавшая из города, тихо причитала: «Ты поплачь, Антошенька, поплачь! Легче будет. Лёгкая у твоей мамочки смерть: уснула и не проснулась. Это Божья милость!» Но понять в ту пору глубокого смысла её слов не смог. Так взглянул на неё, что та разом осеклась. Слезы прорвались только на поминках, когда селяне стали вспоминать все матушкины добрые дела. Помню, выскочил на улицу в одной рубашке. А в голове целый рой горьких мыслей: «Кто встретит теперь меня дома? Кто проведет мягкой рукой по спине, снимая тяжесть накопленных проблем? Кто поцелует, сонного, в висок и перекрестит на ночь?! Кто пододвинет тарелку с пирогами и тихо скажет: «Ты покушай, сынок,

да спать ложись. Утро вечера мудренее». Мы ведь в молодости, теряя родителей, больше по себе плачем...

— Что верно — то верно! — подал я голос, нанимая червя на крючок. И осторожно спросил: — Так у вас в посёлке, значит, отчий дом?

— Нет, — покачал он головой. — Сразу после похорон тётка попросилась переехать в наш дом, не захотела в городе жить. Уверяла, что встречать меня будет как родного сына. Но приезжать в родные места после этого горя не тянуло. Без матушки посёлок осиротел. В доме тоже всё как-то сразу чужим стало... Да и с двоюродными сёстрами, которые сразу обжили все комнаты, общих интересов не находилось. Взял в город с собой на память только икону Богородицы, перед которой мать за меня молилась. И то не сам сообразил — тётка в руки сунула. — Егорыч опустил груз на дно озера, чтобы лодку не сносило в камыши, суеверно поплевал на червя и закинул поплавок в воду. — Потом меня в армию забрали. Там горечь потери сразу поутихла. А после армии роман с первой женой закрутился. Охомутила она меня лихо. Представить не мог, что так быстро могут дети появиться.

Поплавки стали подрагивать, предвещая начало хорошего клёва. И стало не до разговоров. Плотва попадалась крупная. Изредка крючок дёргали окушки. Те не осторожничали: хватать червя — и в глубину. Окуни меня особенно радовали. Уха из них самая вкусная. На озеро опускались сумерки, сужая вокруг призрачные горизонты. Ветерок сменил направление и задул уже с восточной стороны. На воде появилась мелкая рябь. И что интересно, шла она какими-то полосами. Клёв сразу прекратился. Смотреть на дрейфующие поплавки стало скучно. И мне захотелось вернуться к прерванной беседе.

— Хорошо с женой жили, Егорыч?

— Где там! Восемнадцать лет воевали, как кошка с собакой. Чего ни коснись — всё «в контры» войдём. К каждому столбу ревновала. Хоть, видит Бог, никогда налево не ходил.

— Да, не повезло! — искренне посочувствовал я. — Без любви жизнь мимо проходит.

Он грустно усмехнулся, будто не соглашаясь.

— Любовь у меня потом была, да такая, какую не каждому в жизни испытать дано! Я, если честно, на женщин не падаю. Но Женечка, вторая

моя супруга, заприметила меня сама. Она на пятнадцать лет старше была. Настолько мудрая и духом сильная, что чем-то напоминала мне матушку. Верить ли, на руках её носил и в прямом, и в переносном смысле слова. Да и как иначе? Она была изящнейшим существом на свете! По сравнению со мной казалась сказочной Дюймовочкой. Мне нравилось в ней абсолютно всё: и фигура хрупкая, и большие изумрудного цвета глаза, аккуратный прямой нос. Особенно умиляли две изумительные ямочки на упругих щеках. И во взгляде — таинственный магнетизм! Её хотелось слушаться беспрекословно. Никогда не повышала на меня голос. Если случалось быть чем-то недовольной, лишь чуть переносицу сморщит. И тут уж ясно без слов: что-то сделал не так.

Тут Егорыч стал натягивать на себя ветровку.

— Давай-ка к берегу. Костёр разведём, уху сварим. У меня с собой коньячок прихвачен.

Смотали удочки, вдвоём подняли самодельный якорь. Пока Егорыч работал вёслами, я искоса любовался его спортивным телосложением. Бывают люди, которые и к старости не теряют своей завидной внешней привлекательности. Затянув лодку в гараж, развели костёр, принялись чистить рыбу. А пока кипела уха, накрыли «поляну».

Первый тост предложил я: за любовь. Егорыч не возражал. И быстро опрокинул стопку в рот. Похлебав ущицы, снова стал вспоминать свою Женечку.

— Двадцать лет назад, когда мы с ней познакомились и стали жить вместе, на неё часто обращивались мужчины, причем любого возраста. Мне это даже льстило. А вот женщины старались уколоть завистливыми взглядами, но Женечку это не волновало. Ей было глубоко наплевать на чужое мнение, на чьи-то эмоции и недобрые чувства. Она была уверена в себе, твёрдо зная, чего хочет и что ей абсолютно не нужно. Меня распирало от гордости, что я ей был... нужен. Хотя не только я, нужен был Женечке и её первый муж Николай, которого она отставила очень деликатно. Он художник. Худошавый такой, сутуловатый, явно чувствовал свою ущербность по сравнению со мной. Не красили его и вечно засаленные длинные волосы, серое лицо всё в угрях. Он был благодарен Женечке уже за одно то, что она

позволяла ему бывать у нас в гостях. Это по её просьбе он с радостью разменял свою четырехкомнатную квартиру в престижном микрорайоне Калининграда на две двухкомнатные в этом северном городке. И с тех пор числился нашим близким родственником. До последних дней продолжал дарить Женечке свои картины, которыми были увешаны все стены не только наших комнат, но и кухни. К «бывшему» я Женечку не ревновал и его не осуждал. Будь я на его месте, возможно, поступал бы так же. Женечка нам обоим нужна была как воздух. Особенно поражала меня в ней её выдержка. Я-то сам всегда в плену своих эмоций. А она — нет! Ни одно известие не могло заставить её врасплох, словно с рождения была готова ко всем превратностям судьбы. И даже этот страшный врачебный приговор не вывел её из себя. Лишь складочка на переносице воскового лица выдала минутное неудовольствие. И всё! Ни страха, ни растерянности, ни ужаса в глазах, словно речь шла не о ней, а о какой-то нашей общей знакомой.

— И диагноз... догадываюсь какой... — сочувственно вздохнул я.

— Да-а-а, — протянул он. — За последние месяцы высохла вся. На всегда таком гладком лице сразу отчетливо проявилась сетка морщин. Лебединая прежде шея пугала обвислыми складками, — и тяжело вздохнул, глядя на темнеющий горизонт. — Угасала она так же необратимо, как этот вот северный день...

Егорыч замолчал. Я повернулся лицом в сторону догорающего заката. А в голове крутилась мысль: в природе всё повторяется с завидной цикличностью. Через каких-то несколько часов первые пугливые лучи солнца начнут осторожно ощупывать поверхность озера, будто проверяя его на целостность и сохранность. Всё вокруг снова начнёт светлеть, радуя обновлением и надеждой. И только человеческая жизнь...

Егорыч снова наполнил коньяком походные металлические рюмки.

— Ну, давай! Сегодня мы бы с ней отмечали день свадьбы, вернее... регистрации, — тихо произнёс он. — Восемнадцать лет душа в душу прожили. Перед тем как ей в больницу лечь, так же вот вышли мы в озеро. Без удочек, полнобаваться закатом. И тут, знаешь ли, ей в голову такая мысль пришла...

Он долго молчал, видно, раздумывая, стоит ли открывать мне свою тайну. Я терпеливо ждал. И Егорыч выдал:

— Давай, говорит, вместе из жизни уйдем! Не сегодня, не завтра, а... когда боли начнутся. Ладно?! Не хочу, говорит, тебя никому отдавать! Если любишь, дай мне слово, что не струсил! — и быстро так заговорила, уговаривая: — Купим деликатесов всяких, шампанского... Устроим пир на весь мир! А потом... заплывём на лодке подалее в озеро, камни тяжёлые к поясу привяжем и нырнём в глубину. Согласен?!

Можешь представить моё состояние?! И трудно было понять: шутит или говорит серьёзно. Мне, понятное дело, не по себе стало. Перевёл взгляд на тёмную поверхность воды. Потом на сонный город, мерцающий вдали разноцветными огнями реклам. И вспоминались слова давно умершей матушки: «Самоубийство, сын, — великий грех. Человек не вправе распоряжаться данной Богом жизнью. И должен достойно принять все уроки судьбы». Видя моё замешательство, Женечка вдруг на колени передо мной опустилась. Ты ведь любишь меня, говорит, знаю! И если умру, душа твоя будет на части рваться. Душевные муки страшнее физических! Помнишь, что с тобой происходило, когда с Бимкой случилось?!

— А Бимка, это твой пёс, что ли? — спросил я, пытаюсь прервать гнетущую эту тему.

Кадык у Егорыча нервно дёрнулся.

— Я его собственной машиной задавил! Вот так вот бывает!.. Души в нём не чаял. Умнее, ласковее и преданнее пса в жизни своей не встречал! Всё понимал, чувствовал каждое движение моей души. Стоило пригорюниться, тут же, бывало, лапы на грудь поставит и начнёт подбородак, уши мои вылизывать. И так проникновенно в глаза заглянет, словно сказать хочет: «Не печалься, друг, я с тобой!» И от этого его участия, веришь ли, сразу легче становилось. Прижму, бывало, его лохматую голову к груди и целую влажный собачий нос. — Егорыч смотрел в тёмную воду так напряжённо, словно вытаскивал оттуда тяжёлые сети воспоминаний. — Всюду рядом со мной был. На рыбалку ли шёл, в лес по грибы, в машине куда-нибудь ехал — всегда живую и верную душу его возле себя чувствовал. На крыльцо дачи в темноте, бывало, выйду — Бим-

ка стремглав вперёд летит. Всё вокруг обожит, облает, обнюхает и опять в глаза преданно так заглянет, мол, всё в порядке: тихо, спокойно, иди смело! В лодке всегда на носу, так вот, как ты сейчас, сидел и внимательно за поплавком следил. Если клёва не было, начинал от нетерпения хвостом по днищу постукивать, на меня, хозяина, поглядывать, дескать, может, место сменим? А уж что принести попросишь — тут же, с лёту: и тапочки, и носки, и метлу, и миску свою. И время чётко чувствовал: надо на прогулку идти — поводок принесёт, у самых ног положит и нетерпеливо так перебирает передними лапами.

От воспоминаний этих глаза Егорыча заволочило туманом слёз.

— Как я мог?! Собственной машиной?! — засипел его голос. И тут же, словно отчаянно оправдываясь, снова начал набирать силу: — На грунтовке в лесу в любой сезон из кабины его выпускал, чтобы, значит, побегать пёс мог, мышцы размять. Он любил впереди машины бежать. А в тот злосчастный день, как на грех, отстал что-то, нужду, видно, большую справил. А потом решил автомобиль обогнать... да с ледяной колеи под заднее колесо и... скатился! Даже пискнуть не успел. Машина дрогнула, будто на булыжник наскочила. И заледенело внутри от недоброго предчувствия. Как ужаленный из кабины выскочил, а на дороге... лужа крови. Кто бы видел?! Орал на весь лес! Думал, сердце разорвётся. В такую депрессию впал: ни спать, ни есть, ни пить не мог. Перед мысленным взором всюду Бимка живым мерещился. Вот на задних лапах стоит, передними дирижирует. Вот мячик в зубах держит, поиграть зовёт. Вот по команде «Прыг!» в кабину заскакивает. Если бывают среди собак святые, то Бимка мой точно таким был! Без капризов и с таким достоинством, какое не каждому человеку присуще. — Егорыч поднял лицо к небу. — На девятый день после трагедии этой увидел его во сне как наяву. Будто на мой зов вылезает он из-под кровати и начинает лизать мне лицо. И так отчётливо ощущал его ласки, что от радости и умиления хотел с кровати спрыгнуть, а тело... не шевелится. Душа к нему рвётся, а руки, ноги, голова будто к постели приклеены. Рассказал утром Женечке, она так истолковала: «Душа твоя за Бимкой рвалась, могла бы в тот миг из тела выйти». Это она, Женечка, уговорила меня тогда в дис-

пансер обратиться, мол, не выйти самому из депрессии будет.

И по щекам Егорыча медленно поползли уже явно нетрезвые слезы. У меня в сердце ёкнуло: вот мать честная! Хотел увести тяжёлый разговор в сторону, а получилось что?!

Егорыч налил ещё по стопке.

— Пусть земля ему пухом будет, а душе — Рай Собачки! — выпив, прижал тыльную сторону руки к губам, а через какое-то время снова начал про супругу: — Стоит Женечка передо мной на коленях... а у меня, истукана эдакого, все слова куда-то запрятались. Не сразу нашёлся, чем успокоить. Потом шептать ей стал, мол, что ты, милая, в самом деле?! Вот увидишь, поправишься! Начнут делать химиотерапию — и всё пойдёт на лад. Я много таких случаев знаю! И будем, как прежде, по разным островам путешествовать, костры жечь, картошку печь, шампанское пить да шоколадом закусывать. Я ж месяц уже как неработающий пенсионер. У нас теперь уйма свободного времени! Но она резко так меня оборвала: хватит, говорит, сказки рассказывать! Ты мой диагноз знаешь. Я медсестра и понимаю, что бывает, когда метастазы начинают по всему телу расплзаться.

У меня от этих её слов всё в горле пересохло. Слова не вымолвить. А она, встав с колен, жёстко так: «Ну, а если здраво мыслить: молодую, здоровую женщину найдёшь и будешь с ней жить припеваючи. Обо мне и не вспомнишь! Ты у меня мужчина хоть куда!» Сама на меня так пристально, так жалобно смотрит! Взгляд этот душу пронзил: понял, что не смогу пережить её уход. А потому, кивнув головой, твёрдо произнёс: «Вместе уйдём! Обещаю!» Видел бы ты её глаза! Таким взором обласкала, что душа моя затрепетала, да так, что петь захотелось. Затянул матушкину, любимую.

И он запел. Голос у него был не старым, довольно красивым. Я заслушался.

*Ой, да не вечер, да не вечер,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Ой, да во сне привиделось!*

Не допев до конца, он продолжал:

— А на востоке, как сейчас помню, уже всюю

розовел рассвет. Вдалеке город застыл в мареве тумана. Красота неопишущая! И восторженную душу прошла горькая мысль: неужели всё это вижу в последний раз?! Собрал волю в кулак и стал разгонять мрачные настроения: «Всё будет хорошо. Женечка непременно поправится, и эти тёмные думы рассеются, как утренний туман!» Поверить не мог, что может умереть такая женщина, ради одной похвалы которой хотелось прыгнуть выше головы, разбиться в лепёшку, только бы увидеть на её губах довольную улыбку.

Он снова впал в молчание, устремив взгляд на рябь светлеющей воды. Я тоже наблюдал за тем, как быстро тает утренний туман, раздвигая границы горизонта. А Егорыч, немного успокоившись, продолжал свою исповедь:

— С выходом на пенсию каждый день у нас обычно начинался с её слов: «Доброе утро, милый. Давай вставать. Сегодня мы будем...» И дальше Женечка делилась со мной своими планами. Мне лишь оставалось внести небольшую корректировку в имеющиеся возможности. Ну, например, она говорила: «Сегодня мы поедem по магазинам. Хочу подобрать себе новые туфли. Да и твои кроссовки изрядно поизносились». Согласно кивал: «Только сначала мне нужно заправить машину. Я успею сделать это, пока ты варишь овсянку». Или: «Сегодня мы будем мыть окна, — говорила она. — Съезди-ка, дорогой мой, в магазин за составом для мытья стёкол». «Отлично! — сразу откликнулся я. — Заодно куплю машинное масло. Давно уже пора его заменить». Нет, свою жизнь без Женечки я не представлял!

— А общие дети-то у вас были? — не сдержал любопытства я.

Он покачал головой.

— Нет. Её дочь от Николая к моменту нашего знакомства уже замужем была за иностранцем, в Америке жила. Моя от первого брака тоже своими визитами не баловала. Так что мы с Женечкой, как это принято говорить, принадлежали только друг другу. Женечку никогда ни к кому не ревновал. Она могла обаять любого мужчину, но делала это не ради собственного развлечения, а сугубо, как сама любила сказать, «семейной пользы для». Мило улыбалась моему начальнику, если нам светила горящая путёвка в семейный санаторий. Везде, где нужно было проявить дипломатию, рассчитывал на её помощь. Она

обладала потрясающей силой убеждения. Чарующий взгляд её колдовских глаз проникал в самую душу собеседника и цепко вырывал оттуда желаемый результат. И только вот изменить свой страшный диагноз оказалось ей... не под силу. Однако удалось добиться размещения в одноместной коммерческой палате и лечения дефицитными американскими препаратами.

— Помогло? — с искренней надеждой спросил я. По его рассказам сам уже привязался к незримому образу этой необычной женщины.

— Где там! После первых же уколов у Женечки открылась сильная рвота, совсем пропал аппетит. Она слабела не по дням, а по часам. Да ещё стала жаловаться на выпадение волос, которые прядями оставались на подушке. Ходили к Женечке мы с Николаем по очереди. А потом вдруг она запретила нам себя навещать. Видно, не хотела, чтобы видели её больной и немощной. И даже такой родной голос её, который я мог слышать теперь только по телефону, изменился до неузнаваемости. Разговоры с лечащим онкологом не утешали: «Лечение не оказывает должного эффекта. Одна надежда на Бога». Только какой там Бог! Ко всякой вере Женечка относилась скептически, со студенческих лет была закостенелой атеисткой. Одна за другой тянулись тягостные недели. Я ходил сам не свой. Общался только с Николаем. Тот приходил ко мне обычно с бутылкой коньяка. Но разговор всё равно не клеился. Молча сверлили глазами дырки в ковре, каждый думая о своём. Да и о чём было говорить? Звонила Женечка нам сама. Это тоже было её условием. Жил ожиданием её звонка. И однажды вечером он раздался: «Ну, здравствуй, милый! — глухо так прозвучало в трубке. — Завтра заведи меня из больницы. Какой толк здесь лежать? У меня уже боли открылись. Ты не забыл наш уговор?»

Я даже не понял сначала: ты что, говорю, Женечка, имеешь в виду? Её смех был подобен... — Его лицо болезненно сморщилось. — Ты что, говорит, передумал? Так и скажи! И в голосе столько презрения. Что я мог ответить?!

И широкая грудь Егорыча мелко затряслась от сдавленных рыданий.

По озеру пробежали робкие солнечные лучи. Малиновый кварцит далёкой набережной

вспыхнул холодным огнем. Справившись с собой, он продолжал:

— А у меня загло в солнечном сплетении. Но это был не страх, скорее... леденящий душу ужас, который распухал, знаешь, как монтажная пена, заполняя всё тело густой затвердевающей массой. А в трубке снова:

«Молчишь?!» — «Да нет, — выдавил из себя, — вспоминаю, что ты просила купить на этот наш последний... — (хотел сказать «в жизни», но вовремя передумал!) — ...пикник?» Купи, говорит, всё самое вкусное, что сам любишь. И, как расстрельный приговор: «До завтра, милый!» А у меня по сердцу разлилась такая горечь!.. — он потёр грудь и озадачил неожиданным вопросом: — Вот что бы ты на моём месте сделал?! А?!

Я неуверенно пожал плечами, вспоминая наши разговоры с женой на эту щекотливую тему.

— Моя супруга как-то сказала, чтобы я непременно женился, если мало ли что с ней... Одному мужчине, говорит, трудно жить. И к детям не советовала соваться. У них, мол, своя жизнь! Мы с женой дружно живём, мыслим вслух...

Видел, как мой ответ ввёл его в долгий и мучительный ступор. После долгого молчания он задумчиво изрёк:

— Будь я на Женечином месте, не хотел бы, чтобы она умерла вместе со мной. Зачем это нужно?! — произнёс Егорыч это искренне, я ему верил. Он, чувствуя это, изливал душу до самого дна. — И во мне тогда что-то заклинило. Нет, не из-за страха смерти, нет! Какие теперь мне без неё в жизни радости? Просто... просто впервые вдруг сомнения одолели: правильно ли это? И вообще... любит ли она меня?! Но слово дал. Значит, так тому и быть!

— Решился бы?! — пылливо взглянул на него я. Егорыч твёрдо кивнул.

— Но, видно, не судьба, — глухо и с каким-то непонятым раздражением произнёс он. — Уснуть в ту ночь не удалось. Вспоминались детство, юность, матушка... Достал из старого чемодана памятную икону, которую не вынимал из коробки со дня матушкиных похорон, повесил на стену напротив кровати. Может, пригодится кому! Забылся под самое утро. Вздрыгнул от телефонного звонка. Потянулся к мобильнику. Её номер! Надо ехать! Нажал зелёную кнопку. И раздался чужой женский голос: «Антон

Егорович! Ваша жена умерла...» Что-то ещё тихо вешала откинута в сторону трубка. Но я уже не воспринимал. Лежал, раскинув в стороны руки, и тупо смотрел на икону Богородицы.

Егорыч поёжился, обхватил себя руками. А потом разлил по последней.

— Давай... за жизнь! Какая б ни была, а каждому до конца пройти свой путь надо!

Ветер усиливался. Озеро заволновалось. И гулко зашелестел, запел тростник о чём-то главном и вечном.

«...ВОТ И СЛАВА БОГУ!»

рассказ

Думы в голове у Сергея Ефимовича были такими же тяжёлыми, как гонимые оголтелым мартовским ветром снеговые тучи. Казалось, что не только в его жизни, но и в природе всё перевернулось, встало с ног на голову, и теперь всё шло как-то наперекосяк. Где это раньше было видано, чтобы снегу не выпадало аж до самого Рождества? Да и крещенские морозы давно потеряли свою былую силу. А ему всегда хотелось если лета — то с жарой да грозовыми ливнями, если зимы — то с морозами да метелями. Чтобы осенью кружилась голова от яркости листопада и щедрости даров природы. А весна будоражила душу сумасбродными ручьями и берёзовым соком. Словом, так, как было в его далёком детстве. Но жизнь распоряжалась по-своему. И, конечно, никто ей не указ.

Поплавок легонько задёргался. Видать, крупная плотичка пытается стащить опарыш с крючка. Его верный пёс Бимка запоглядывал на него, завилял хвостом, мол, чего ждёшь, поддёрни! И даже длинные уши свои к лунке спустил, следя за трепыхающейся на крючке рыбёшкой. Бимка с полуслова, с полувзгляда понимал всё, что творилось в душе Сергея Ефимовича. Защемит сердце недобрый воспоминанием, пёс сочувственно взвизгнет и давай ему солёную влагу с глаз вылизывать. И никогда на него Сергей Ефимович голоса не повышал. Да что там голоса, слова грубого не произносил. Так бы люди всё понимали, как этот пёс смешанной породы.

Подкрадывались голубые сумерки. В доме

двоюродного брата Мишки засветилось окно, из трубы вылетел белый шлейф дыма. Михаил приехал с женой в деревню только на выходные. Иногда навевались ещё две-три семьи. Постоянно в зимнее время тут жил Сергей Ефимович один. Никак нельзя деревню без пригляда оставить. Всяких бед может произойти. Оживала деревушка только к лету. Дачникам здесь было раздолье.

Деревня Горка стояла на холме, у подножия которого с одной стороны угодливо извивалась речушка, а с другой — величаво распротёрлось лесное озерко с непонятным то ли финским, то ли карельским названием. Ну да бог с ними, с названиями, в деревне этой поселились его русские прадеды с незапамятных времён. В двухэтажном деревянном доме с окнами на озеро проходило его детство. В студенческую пору он, конечно, в город укатил. После института там работать остался, квартиру с женой получили. Сын родился, Николаем назвали. К родителям в деревню приезжал с семьёй нечасто. В отпуске хотелось чужие страны посмотреть, на южном солнышке, у моря, погреться. А как родителей схоронил, с ним что-то странное случилось. Потянула земля родная — и всё тут! Решил возродить деревню. Места-то какие — загляденье!

Написал обоснование к проекту на возрождение карельской деревни, на развитие так называемого сельскохозяйственного туризма. А что? Такие дома добротные стоят. Захламлены только да бурьяном поросли. Потому как бесхозные. Кто-то из чиновников, помнится, прочитав это обоснование, усмехнулся, мол, легче красного петуха пустить, чем рухлядь эту восстанавливать. Дескать, придумал тоже... А у него от этих слов в глазах мир поблёк. Рушить-то, конечно, оно легче, чем создавать. Кому-то, конечно, хочется и деревню спалить, и лесные угодья под это дело к загребушим рукам прибрать! Наловчились народное достояние прикарманить! И всё же здравый смысл взял верх. Одобрели проект, и средства на полуразрушенный мост через реку, что отделяла деревню от дороги, выделили. А он, стало быть, по всяким официальным документам деревенским старостой стал значиться. И старостой, и управляющим, и бухгалтером, и столяром, и

плотником, — всё на общественных началах. Не зря говорится: инициатива наказуема.

И всё бы хорошо, да у жены проблемы с сердцем начались. Побоялась в деревню за ним ехать. Мол, случись приступ какой, куда за помощью бежать. До районного центра более ста километров. И до большого города — двести. А ему уже и взад пятками никак. Закрутилось дело. Ездил в город навещать жену раз в месяц. Она, в свою очередь, на всё лето к нему приезжала. Волноваться за жену причин не было. Соседи в доме хорошие. И всё вроде, как говорится, «устаканилось», да сын бучу устроил, свои взгляды навязывать стал. Всё пытался уговорить их переехать в Финляндию. У его жены корни ингерманландские. Сваты давно уж туда переселились. И он, Колька, тоже прижился. Ему, компьютерщику, там работа нашлась. Сергей Ефимович не перечил. Вольному воля. Никогда на людей не давил. Терпеть не мог, когда и на него давили. Разговор тот злосчастный случился летом.

Приехал сын не один, с невесткой Анни и пятнадцатилетним внуком Антти. С тем, что внука не по-русски назвали, смирился. Правда, сам-то звал его Антипом. И то, что за границу подались, тоже стерпел. Но когда сын стал по живому резать — взорвался.

В чертогах памяти зазвучал гневный Колькин голос:

— Ты, отец, если про себя подумать не хочешь, то хоть мать пожалей. Сдалась тебе эта деревня! В Финляндии социальное пособие во много раз больше твоей пенсии. И там... — всё для человека. Тебе вон и Антти подтвердит... Приезжай, поживи, посмотри!

У Сергея Ефимовича всё внутри содрогнулось. «Антти подтвердит!» Внука приехал с бритым затылком и с бордовым, как у петуха, гребнем волос на голове. Это у них называется «свободой жизни». Плевать он хотел на такую свободу, как говорится, с высокой вышки без передышки. Да и что такое «свобода»? В его понимании — осознанная необходимость. А какая такая необходимость у внука себя разрисовывать? И татуировки эти взять. Кто насадил такую моду? Раньше только эки себя так метили. А теперь даже у девиц руки, ноги и даже интимные части тела разукрашены. Срамота! Не сво-

бода это, а распущенность. Добрый вкус молодёжи прививать надо. Да вот только как прививать-то будешь, когда внук в деревню носа не кажет? Мечтал, что будет с ним за грибами, за ягодами, на рыбалку ходить. Где там! У них там, в Финляндии, супермаркеты, аквапарки, фестивали байкеров... Всё для увеселения. Адреналин не трудом, как они раньше, на каруселях выгоняют. Так Высоцкого и вспомнишь: «Нет, ребята, всё не так! Всё не так, ребята!»

Сумерки подступали всё настырнее. Уже и поплавка не видно. А он всё сидел на шарабане, с головой уйдя в свои безотрадные мысли. Бимка стал поскуливать, домой звать. Сергей Ефимович смотал леску, прикрыл лунку куском фанеры, чтобы за ночь не замёрзла, и, вскинув шарабан за спину, побрёл в гору к дому.

В доме выстыло. Сходил за дровами, затопил печь, примостился на табурете возле топки. И снова те же мысли в голове. Не схватись они тогда с сыном, может, и жена Фаина была бы жива...

С чего они завелись-то? Да опять с Финляндии этой всё и началось... Что ему, Сергею Ефимовичу, там делать? С утра вечера ждать? И так каждый день! Ни языка их не знает, ни жизненного уклада. Всё кругом чужое. А здесь работы на десять жизней, с головой. Каждое деревце в лесу тебе улыбается, каждый куст малины поклонны бьёт. Окинешь взглядом окрестность — от дикой красоты такой дух захватывает! И не важно, в зимнюю ли пору или в летнюю...

Много обидных слов сына молча проглотил, а когда тот в запале выкрикнул: «Будь проклята эта деревня! И эта страна дураков вместе с ней!», в глазах помутилось. В груди огнём полыхнуло. И уже не человеческий, почти звериный рык вырвался из горла.

— Ах ты, поганец неразумный! Как у тебя язык-то повернулся?! Своих родителей дураками считаешь?! А умные — это те, что страну обокрали, развалили, а потом за границу свалили?! Вали и ты отсюда, коль в примаках тебе жить уютней и сытней!

Сын сначала глаза выголил, а потом дверью — хлоп! И давай с невесткой чемоданы упаковывать. А у Сергея Ефимовича слова словно вековую блокаду прорвали, из уст вылетают, как растревоженные осы. Не остановиться.

— Ленью, эгоизмом, как плесенью, оброс у компьютера своего! Молоток и лопату в руках держать разучился. Одно потребительство на уме. Как пожрать повкусней, в какие шмотки импортные облачиться! За народ свой душа не болит! Только бы свою шкуру спасти! Да ещё и нас, родителей, с корнями из родной земли вырвать хочешь!

А когда машина сына въехала на мост, затряслось всё в груди, словно не сердце там, а мотылёк об стекло бьётся. На миг показалось, что вот-вот рухнет мост и выйдет из берегов бурлящая на каменистых порогах река, затопляя всё вокруг пузырястой пеной. Но не дрогнул новый мост, спокойно выдержал шальной автомобильный раж. И только долго ещё напряжённо гудели кондовые брёвна, словно пропускали сквозь себя электрический ток.

Долго сидел на фундаменте старого родительского дома, обхватив голову руками. А когда пальцы перестали дрожать, стал выискивать слова, которыми бы можно было успокоить жену. Видел ведь, как побледнела вся. Нужно было эту правду сыну сказать. Нужно! И, может быть, запоздал он с этой правдой? Хотя уж лучше поздно, чем никогда. Даст бог, после этой шоковой терапии просветлеет у сына в голове. Начнут мысли в нужную сторону крутиться...

Тяжело поднялся и пошёл в дом, неся на согбенной спине груз всяческих сомнений. Открыл дверь в гостиную и... — ноги разом подкосились. Фаина сидела, откинувшись головой на спинку дивана, с открытыми застывшими глазами. Руки её безжизненно свисали вдоль обмякшего тела. Сознание Сергея Ефимовича отключилось. Очнувшись в сумерках от протяжного воя собаки. Долго не мог понять, где находится, пока Бимка не стал вылизывать его лицо да лапой скрести по груди. А когда поднял голову, сердце сжало в тисках безысходного страха. Впервые в жизни потерялся. В пустой голове гудел сквозняк до тех пор, пока, наконец, вольтова дуга не прошибла отключившееся было сознание.

Похоронили Фаину на старом деревенском кладбище. Старушки дачницы справили её в последний путь как полагалось. Михаил с сыновьями могилу на песке вырыли. Сын Николай его звонки проигнорировал. Видать, обидой захлебнулся. Телеграмму ему Сергей Ефимович по-

давать не стал. Адреса финского не знал. Сообщений по мобильнику писать так и не научился. Да и чего греха таить? Проклятья сына в душе ржавой занозой застряли.

О смерти матери сообщил сыну только перед сороковым днём. И то не сам, через двоюродного брата. Приехал сын один. В охапку его схватил: «Прости, отец!» Слезы глотали молча. А что тут скажешь? Простить-то простил, да Фаину не вернуть. Сорок пять лет вместе прожили. Ссоры, конечно, были... Как без них? Но оба мыслили вслух. В душе двойного дна не имели. И потому счастливых моментов было всё-таки в жизни больше. Смотрели всегда в одну сторону. А в семейной жизни это главное.

На песчаный холмик могилы матери сын плашмя пал, слезами умылся. Укорять его Сергей Ефимович не стал. Сам-то по молодости разве мало родителей огорчал? Сколько из-за питания его переживали! Завязал с этим водочным делом лишь тогда, когда жена погрозилась на развод подать. Это сработало быстро и бесповоротно, потому как Фаину свою... Ни одну женщину с ней сравнить бы не смог! В ней было всё то, чего в нём не хватало.

Живой огонь в печи быстро поедал не только дрова, но и тяжёлые думы. Бимка, почуяв перемены в его настроениях, весело завилал хвостом, подпрыгнув, лизнул в ухо.

На сороковинах за столом с сыном наконец разговорились. Про Финляндию ни слова, ни звука, как кислым залило. Дошло-таки! Давай, говорит, отец, бригаду тебе из финнов сформирую. Они бесплатно на Горку нашу поработают. Лишь бы было где ночевать. Пустых домов в деревне полно. Финны ради дикой природы нашей на всё согласные. Я им фотки показывал. У них это называется приключенческим туризмом.

Сергей Ефимович ухмыльнулся.

— Прости, сын, но негоже чужакам нашу грязь выгребать. Внуки наши должны это всё восстанавливать. Их к труду приучать надо. Соберу я молодёжную бригаду. Желающих найдётся.

Сын руку ему на плечо положил, в глаза заглянул:

— Ну, а нас с Антипом в бригаду свою возьмишь? У меня отпуск большой, причём в летнее время.

И тут Сергея Ефимовича пробило до слёз.

Жаль, что Фаина не дождалась этого момента!

Бывало, говаривала Фаина, что Бога надо благодарить за то, что имеешь, и трижды — за то, чего не имеешь. И, как всегда, права была. Вон брата Володьку взять, всю жизнь на берегу Чудского озера прожил, на рыбном заводе работал с женой. Обанкротили завод, за гроши бизнесменам продали. Весь улов в Прибалтику возить стали. Весь берег забором огородили. Местным жителям посёлка ни порыбачить, ни покупаться. Всё куда-то ездить надо. На прилавках магазинов вместо своей свежей рыбы застарелые импортные морепродукты лежат. Двухэтажные барачного типа заводские дома не на воду, как прежде, на чужую ограду с колючей проволокой в недоумении глядят. От обиды, видно, на судьбу такую рано брат с женой на тот свет собрались. Дети тоже из посёлка уехали, не захотели в родных местах, как в резервации, жить. Словом, всё познаётся в сравнении...

Угли в печке догорели. В доме стало тепло и уютно. Но к брату двоюродному всё равно сходиться надо. Городские новости узнать, планы на лето обсудить. Положил мобильник в карман — сын может позвонить. Подпёр палкой, как раньше в детстве бывало, входную дверь, остановился на крыльце, посмотрел на звёздное небо. Хороший день намечается! Днём снег будет таять, к вечеру влагу морозцем подсушит. Не успеешь оглянуться, как весна возьмёт свои права. И в предвкушении радостей лета запоёт, заликует душа. Словно в подтверждение его мыслей, раздалась знакомая мелодия мобильного.

— Здравствуй, пап! — поприветствовал его тихий голос сына. — Ну, как ты?

— Да всё хорошо, сынок! Окушков на уху с Бимкой наловили. Теперь вот к дяде Мише заглянуть хочу. Они на выходные приехали. А у вас-то что там?

— Мы с Антипом о лете мечтаем. Аня тоже с нами собирается. Да ещё два паренька, одноклассники Антипа, с нами напросились. Ты не против?

— Да что ты?! Всем места хватит.

— Ну, тогда жди гостей!

— Вот и хорошо, вот и... — сглотнул комок, — слава богу!

Положил мобильник обратно в карман, облегчённо вздохнул. В душу пахнуло тёплым юго-за-

падным ветром. Бимка, радостно взвизгнув, подпрыгнул и лизнул его в нос. Невольно усмехнулся. Вот как они, собаки, настрой человеческой души чувствуют! А?!

ХОХОЛ

рассказ

Митрич заворочался на постели, пружинный матрас его железной кровати недовольно заскрипел. В голове противно шумело, будто всю ночь плыл на корабле в штормовую погоду. Эх, и перебрали с братцем вчера! Оторвал опухшее лицо от подушки, зыркнул на брата Василия с какой-то досадой. Тот беспечно похрапывал, неуклюже свесив голову с раскладушки. Митрич тяжело вздохнул.

Всегда на второй день после его приезда какой-то тошнотворный осадок на душе. Не от выпивки. Закусь дочка всегда готовит отменную: и перцы нафарширует, и мяса нажарит, и салатов разных настрругает. Хозяйство своё, в праздник столы от снеди ломаются. И в Питер братца отправит не с пустыми сумками. Кролика зарежет, масла своего, творога, овощей — всего надаёт. У них, в городе, разве будет ложка в сметане стоять?! Пьют молоко из порошка. Умные кошки от такого молока морды воротят. Послушаешь передачи по телевизору — в магазины ходить перестанешь. В колбасе одна туалетная бумага со вкусовыми добавками. Мороженое — из грязного пальмового масла. И никому никакого дела. Ни над чем контроля нет. Травят нашего брата без стыда и совести. Их-то семья живёт, считай, натуральным хозяйством. В магазин ходят редко — за солью, сахаром да хлебом. Масло подсолнечное зятёк Николай с Украины от родителей привозит. Ох и вкусное! Сами делают. Но от мысли о семейном достатке на душе легче не стало. Будто дикие кошки в неё когтями впились. С чего бы это? Стал вспоминать, о чём вчера со старшим братом хмельной разговор вели. И кровь ударила в голову, замутило, затошнило, да так, что свет белый не мил. Братец-то всё на зятя Николая тянул. Его ли дело?! Хотя и сам-то он, Митрич, хорош гусь, тоже «подвякивал», какие-то свои мелкие обиды

вспоминать принялся. Да всё виной тому брат Васья! Иезуит долбаный! Вечно всякую муть со дна души поднять вынудит! А самогонка — это тебе не водка. К тому же пили не из рюмок — из гранёных стаканов, не за привычное «за тя, за мя», а высокопарно: «За русский Дух!» И с пьяного языка стали срывать какие-то невысказанные доселе претензии. По трезвому делу всегда смело гнал прочь из головы все эти пакостные мыслишки. Да, видно, сумели затаиться в тёмных уголках души. И вот на тебе — ожили, зашевелились, выползли на белый свет. Братец хватал их так ловко, как ловит голодный пёс брошенную ему со стола кость. И подначивал, подзуживал, тащил за язык.

Зятка своего Митрич вообще-то уважал. Хозяйственный, к земле приучен. Сватов своих, правда, никогда в глаза не видел. Те жили где-то под Винницей. Дочка, Варька, с семьёй ездила на Украину раз в году в отпуск. Не обижалась. Принимали хорошо. Да и что говорить, не худая девка — всем взяла. Красивая, дородная, всё у неё в руках горит. И характером покладистая. Живут с мужем душа в душу уж сколько лет. Общей дочери Настёне двенадцатый год пошёл. Вся в отца. Круглая отличница. От школы в «Артек» путёвку дали. А Варькиному сыну Максиму уж скоро пятнадцать. Он зятка папой зовёт. Замужем дочка не была. Как старухи шептались, «в поболе принесла». Николай любил мальчишку как родного. И за это он, Митрич, особо зятка ценил, хоть, если честно признаться, не всё и не всегда в нём нравилось. Были нюансы. Но лишь бы дочке люб был. И многое зятку прощал, понимая, что трудно мужику в примаках ходить.

Приехал в их посёлок Николай сразу после армии в леспромхоз на заработки. С Варькой снюхались. Да так здесь и остался. Стали все вместе в доме Митрича жить. Дом большой: трёхкомнатный, с верандой, кладовками, подсобным хозяйством. Во дворе и корова, и нетель, кролики, куры, поросёнок. Куда как с добром! Однако после смерти жены у самого здоровье подводить стало. Дочка с зятем всё хозяйство на себя взвалили. Справляются. Николай — парень хваткий. Так и «мякитит», где бы деньгу сшибить, лентяем не назовёшь. Когда леспромхоз развалили,

КамАЗ с погрузчиком купил, в частную фирму работать устроился. Всё больше по командировкам. Приезжает домой только на выходные. И, надо должное отдать, сложа руки не сидит. Баню вон новую срубили. Во всех делах толк знает. Да больно рано себя хозяином считать стал. Заматерел, конечно. Плечи в дверной проём едва влезают. Вот и стало мниться Митричу, что смотрит на него зятёк свысока. Потому и задели Васькины слова: «Что этот хохол у тебя по дому хозяином ходит?» Значит, не показалось. Стал к зятю ку присматриваться. Когда пошли гостю баню показывать, зятёк от гордости аж зарозовел весь. И нос выше обычного задрал. «Вагонку я по дешёвке достал. Полы решил бетонными оставить, с деревянными решётками поверху. А в углу душ хочу сделать...» И всё, значит, «я» да «я». А он, Митрич, стало быть, ни при чём! И брёвна не рубил, и печку не клал, и полы не бетонировал... До женитьбы зятёк не таким был. Тише воды, ниже травы. Всё с улыбкой тестю в рот заглядывал. А теперь вот — нате-ка!

Брат смачно зевнул, потянулся, открыл глаза, привстал на локтях:

— Время сколько? Ты чего такой смурной? Болят что?

Митрич отвернулся лицом к стене.

— Хорошо мы с тобой вчера, братец, посидели. Вот только не помню, кто нас спать укладывал? Варька, что ли? — покачал головой. — Не должно быть. Она ведь скотину обряжала. Надо Максиму спросить. Он ещё тот шнырок! Всё видит, всё слышит, всё знает.

Сказал и будто притянул мыслью внука. Тот просунул лохматую голову в дверной проём и сморщил нос:

— Ну, деды, и аромат в вашей почивальне! Чиркни спичкой — синим огнём полыхнёт.

— Иди-ка сюда, — поманил внука пальцем Митрич.

Тот, притворно зажав ладонью нос, проскользнул в комнату.

— Чего?

— Батя-то дома?

— На дворе. Мамке помогает. А что?

— Драки-то вчера не было? — захохотал братец.

Митрич швырнул в него подушкой.

— Заткнись! Без тебя тошно! — и, обращаясь уже к внуку, пробормотал: — Чего мы там вчера?

— и затаил дыхание в ожидании ответа.

— Папку бить собрались! — и ткнул в сторону гостя пальцем. — Ты, дядь Вась, подстрекатель! Давай, говоришь, пойдём хохлу морду набьём! — кривлялся Максимка.

— Ладно тебе кривляться-то! — пристрожил дед и заворчал на внука. — Ну, а дальше-то что? Говори, не тяни душу!

В глазах у Максимки вновь забегали смешинки.

— Папка спал уже. Вы дверь в его комнату рванули. Но через порог перешагнуть не смогли, упали друг на дружку. — Внук больше не мог сдерживать смех. Аж за живот схватился. — На этом поединок и закончился. Ой, не могу! Умора!

— Ну, а хохол что? — продолжал пытаться Максимку братец.

— А папка вас разом обоих взял под мышки и в эту комнату отнёс, спать уложил.

— Хитрый, гад! — снова смачно зевнул братец. — Все они, хохлы, такие!

— Заткнись ты! — сгрынул на него Митрич. — Наберись ума! Что при внуке городишь?!

Максимка понимающе ухмыльнулся и удалился. А братец продолжал разглагольствовать.

— А что, неправду говорю? Смотрю, зятёк твой хвост распушил. Быстро всё и всех под себя подмял. Умеют они, хохлы, на верхний шесток прыгнуть и «ку-ка-ре-ку!» кричать. Вон и мою бывшую возьми. Тёшенька моя, бендеровка, как погостить приедет, меня иначе как «чиловик» и не называла. Будто имени у меня не было. Взглядом ненавистным так всего и исколет. А лопотать что по-хохляцки начнёт — так слюной и брызжет, и всё в мою сторону. А жёнушка, хитрюга, при своих-то двух малых детях с директором спуталась. И сколько лет меня обманывала. После развода в свою Хохляндию с любовником укатила. А он год назад крякнул. Так она меня в Питере отыскала. И снова мне жизнь сломала, из-за неё ведь с Люськой разошлись.

Митрич вскинул на брата удивлённый взгляд:

— Это как?!

— Да так! Думаешь, я к тебе просто так приехал? Выгнала меня Люська.

— А говорил, что хорошо живёте...

— Не врал, жили хорошо. Пока хохлушка

моя не объявилась. Подъехала ко мне, подмалась, стала умолять дочек в Люськиной квартире прописать, мол, им учиться надо, в вузы поступать. Ну, я и попался на этот крючок. Дочек повидать захотелось. Стал Люську уговаривать: и по-хорошему, и по-плохому. Она поняла, что дело керосином пахнет, мне чемодан со шmutками собрала. Вот, говорит, бог, а вот порог. Вот так-то! Так что мне эти хохлы — как красная тряпка для быка! Телевизор смотришь, так знаешь, что они в Донецке да Луганске творят.

Братец замолк, сузив глаза, что-то напряжённо вспоминал. Митрич озадаченно поскоблил в затылке всей своей заскорузлой пятернёй.

— Ну, дела-а-а!

— А ты как думал?! — всё больше распаялся Василий, выкатив на Митрича от злости наливишиеся кровью глаза. — Я этих хохлов на дух не выношу! Они нас всех «москалями» дразнят. Посуди сам: где мы? А где Москва? Короче, без жилья я теперь. Прикатил вот в родные края. Дома, говорят, и стены помогают. В посёлке оставаться не хочу. Может, кто в соседней деревне на постой пустит... Руки-то у меня хорошие, землю люблю. Не курю, водкой часто не балуюсь. Только вот у тебя, на халяву! — и захохотал, задвигал кадыком, будто поршень у него под кожей заработал.

Митричу стало не по себе. Что он всех хохлов под одну гребёнку гребёт? В каждой нации хоть одна да паршивая овца найдётся. И в том, что мы с Украиной «на ножах», простых ли людей вина? Недаром ведь говорится: «Баре ссорятся, а у холопов чубы трещат». А братец всё успокоиться не может:

— Вот и зятёк твой того же замеса! Обдерёт тебя как липку. Занеможешь — в дом инвалидов сдаст.

— Типун тебе на язык! Что разошёлся?! Я и рад, что зятёк в хозяйство вошёл. Что с меня теперь? Еле по дому колыхаюсь, самому до себя. В прошлом году лёгкие застудил, от воспаления в лёжку лежал. Зятёк меня и в больницу, и из больницы на руках выносил. Всю зиму меня с дочкой выхаживали. Так что ты это брось!.. Ничего худого он мне не делал.

Входная дверь скрипнула. Слышно было, как в кухню вошли дочь с зятем.

– Максимка! Буди-ка дедов, завтракать пора! – с порога громко распорядилась Варька. – Парным молоком отпаивать буду нацистов этих доморощенных.

– Их молоком не поправишь, бутылку ставь! – усмехнулся зятёк и велел Максимке: – Притащи-ка с веранды банку с малосольными огурцами. – А сам открыл холодильник. Дух мороженого сала с чесноком зашекетал ноздри. Братец вожделенно чихнул. Митрич тоже утёр нос кулаком.

К столу вышли шатаясь, бессильно плюхнулись на табуретки. Взглянуть в глаза зятю стеснялись. А тот уже наливал в рюмки. С лукавой улыбкой произнёс:

– Ну что, отцы, мировую?

Чокнулись молча. А что тут скажешь? Глотнули. Но кусок в горло не лез. Зять налил по второй. Но сам не пил.

– Ты, Коль, выпей! На нас, дураков старых, обиды не держи. От водки дерьмо полезло, – глухо выдавил из себя Митрич.

– Да что ты, батя?! И в голове не держу. Понимаю. Мне просто за руль сегодня, а то бы поддержал компанию.

– А-а-а! – протянул Митрич.

А Максимка, глядя на них, сотрясался от беззвучного смеха. Митрич шутливо двинул ему по затылку.

– Хорошо-о-о! – блаженно протянул братец, потирая ладонью свою петушиную грудь. – Чувствую, как лицо само расправляется, расправляется...

– Кто тебе это сказал, дядь Вась?! – съязвив, фыркнула в кулак Варька.

Братец принял подколку, довольно захохотал.

– Хороший ты мужик, Колька, хоть и хохол! И вчерась вон нами не побрезговал, спать уложил. Давай плохое вспоминать не будем. Как в той пословице: кто старое помянет – тому глаз вон!

Над столом нависла миролюбивая тишина. И дела ей не было ни до «москалей», ни до «хохлов». Только на экране телевизора всё ещё мелькали чьи-то разгорячённые лица. Но мудрая Варька, как всегда, вовремя выключила нагнетающий страсти ящик. Экран благополучно погас. И стало слышно, как лацкают о тарелки вилки, ласково трётся об ноги Митрича рыжий котёнок да отдувается Максимка, напившись досыта парного молока.

□

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА –

автор двенадцати книг: «Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.), «Под созвездием Кассиопея» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.), «По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.), «Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.), «Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.), «Жили-были...» (2011 г.), «Когда ангелы поют» (2012 г.), «Жу-Зи» (2012 г.), «Боба Теремков» (2013 г.).

Произведения писательницы печатались в журналах и сборниках Германии, Норвегии, Финляндии, Швеции.

Автор является лауреатом республиканских, всероссийских и международных литературных премий («Сампо», «Добрая лира», «Русский стиль», «Славянские традиции», премии журнала «Север»).

Сборник повестей для взрослых читателей «Когда ангелы поют» вошёл в финал Бунинской премии 2013 г.

Финалист Международного конкурса им. С. Михалкова.

